

На правах рукописи

Фролов Алексей Анатольевич

**Новгородские писцовые книги:
источники и методы исследования**

Специальность 07.00.09 – Историография, источникове-
дение и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва
2021

Работа выполнена в Отделе специальных исторических дисциплин
Института всеобщей истории Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Сиренов Алексей Владимирович,
доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН,
директор Санкт-Петербургского ин-
ститута истории РАН

Аракчеев Владимир Анатольевич,
доктор исторических наук, директор
Российского государственного архива
древних актов

Шibaев Михаил Алексеевич,
доктор исторических наук, заведую-
щий сектором информационно-
библиографического обслуживания
Российской национальной библиотеки

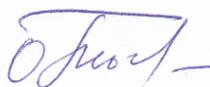
Ведущая организация: Национальный исследовательский универ-
ситет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

Защита состоится «_____» «_____» 2021 года в 12 часов на за-
седании совета Д 002.249.01 по защите докторских и кандидатских
диссертаций при Институте всеобщей истории Российской академии
наук по адресу: 119334, Москва, Ленинский просп., д. 32А, ауд. 1406.

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Институ-
та всеобщей истории РАН и на сайте Института всеобщей истории
РАН <http://www.igh.ru>.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

О.И. Тогоева

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

В любом аграрном обществе земля является важнейшим или даже основным экономическим ресурсом. Это обстоятельство определяет ту роль, которую поземельные описания играли в Средневековье и в Новое время. Изучение источников данного вида незаменимо при обращении к проблемам аграрной, финансовой, социальной истории, исторической географии и множеству других сегментов исторического знания. В зарубежной историографии важную роль играет источниковедение этого вида документов. Одной из наиболее развитых является традиция изучения английских средневековых кадастровых описаний – благодаря сохранившейся Domesday Book 1086 г.

В России группа источников этого вида называется писцовыми книгами. Историография XIX–XXI вв. очень много внимания уделяет привлечению их сведений во всем указанном спектре научных проблем, однако, как неоднократно отмечали многие крупные историки, степень источниковедческой изученности писцовых книг оставляет желать лучшего. Можно сказать, что почти всегда исследователи работают с ними «вслепую», не имея ответов на важнейшие вопросы, которые принято освещать перед тем, как использовать сведения исторического источника. Делопроизводственная и архивная судьба, датировка, подлинность, структура, методы компоновки материала обычно или вовсе не выясняются, или характеризуются поверхностно. Это сужает возможности адекватного использования писцовых книг и повышает риск ошибочных суждений, сделанных на их материале.

При этом необходимость источниковедческого исследования писцовых книг при современном состоянии историографии нуждается в специальной манифестации. Место, которое отводится данному вопросу в учебниках по источниковедению, неуклонно сокращается. Рост возможностей публикации писцовых книг и возрастающий интерес к этому виду источника со стороны не только историков, но и широких кругов общественности, делают такую манифестацию и характеристику основных перспектив источниковедческого исследования еще более актуальными.

Степень разработанности темы

Историография исследований, использующих сведения русских писцовых книг, обширна. Особенно большое значение имеют труды К.А. Неволлина, А.М. Андрияшева, В.Б. Павлова-Сильванского, С.Н. Кистерева, Л.В. Мошковой. Подробный анализ степени разработанности темы помещен в Главе 1 диссертации. Он позволяет заключить, что применение предлагаемого подхода к исследованию поземельных описаний было подготовлено всей логикой развития

отечественной историографии, однако он никогда не декларировался как основополагающий для источниковедения писцовых книг. Речь идет о восприятии каждой книги как многослойного источника, сведения которого оказались «спроецированы на плоскость» рукописи.

Катастрофическое отставание источниковедения писцовых книг от использования их сведений в исторических построениях отмечалось исследователями неоднократно (Ю.В. Готье, В.Б. Павлов-Сильванский, Л.В. Милов), но большинству известных рукописей до сих пор не было уделено должного внимания. Мало исследованы даже новгородские писцовые книги – несмотря на то, что еще в середине XIX в. именно с них началась масштабная публикация этого вида источников. Неустановленными являются даже происхождение некоторых давно известных науке рукописей и их состав, делопроизводственная и архивная судьба писцовых книг исследована фрагментарно.

Объект и предмет исследования, цели и задачи

Объект исследования – материалы писцового делопроизводства, в том числе рукописи писцовых книг (их бумага, пометы на листах, связанные с пагинацией, делопроизводственными и архивными скрепами, почерки, текст рукописей, содержащий сведения о землевладении, административном устройстве территории, населенных пунктах и других объектах, налогообложении), делопроизводственные столбцы, а также архивные описи, содержащие сведения о хранении и перемещении рукописей, и актовые материалы, воспроизводящие текст писцовых книг.

Предмет исследования – история писцовой книги от момента сбора сведений, включенных в ее состав, до современного этапа ее архивного хранения.

Цель диссертационного исследования

– исследовать документальный комплекс новгородских писцовых книг конца XV–XVI в.: с точки зрения его потенциала как исторического источника: его делопроизводственную историю, архивную судьбу, методы компоновки, а также структуру и источники происхождения сведений отдельных рукописей, наилучшим образом характеризующих отдельные аспекты темы.

Задачи

- Анализ предшествующей историографии источниковедческого исследования писцовых книг и синтез уже полученных результатов;
- Исследование архивной и делопроизводственной судьбы новгородских писцовых книг конца 1490–1570-х гг.;
- Исследование вопроса о месте, времени и обстоятельствах создания древнейших (из сохранившихся) писцовых книг – на материале книги Деревской пятины 1499 г.;

- Выяснение связи структуры писцовой книги с территориально-административным устройством региона – на материале книги Деревской пятины 1499 г.;
- Определение принципов структурирования материала внутри глав писцовой книги – на материале книги Деревской пятины 1499 г.;
- Установление характера зависимости структуры писцовой книги от «приправочной» книги – на материалах книг Деревской пятины трех генераций (1499 г., начала 1540-х гг. и 1550/51 г.) и классификация рукописей новгородских писцовых книг 1540-х гг. по составу их данных;
- Выяснение происхождения «сведений о доходе», содержащихся в древнейших новгородских писцовых книгах;
- Характеристика методов работы писцов в Деревской пятине во время письма 1495/96–1496/97 гг. и изучение организации работы писцовых комиссий конца XV – середины XVI в. в новгородских пятинах.

Научная новизна

Тезис о «многослойности» сведений писцовой книги, ранее принимаемый некоторыми учеными, но никогда не декларировавшийся в историографии как принципиально важный для понимания информативных возможностей этого вида источников, получил в диссертации свое обоснование при исследовании ряда рукописей. Практически продемонстрирована возможность «расслоения» текста источника на сведения, полученные писцами «в поле», сведения, заимствованные из «приправочной» книги и других источников, и данные, внесенные в рукопись уже в ходе обработки этой информации составителем рукописи.

Предложены впервые или пересмотрены существовавшие ранее в историографии атрибуты ряда книг (определение места, времени и обстоятельств создания рукописи): писцовой книги оброчных, поместных и вотчинных земель Деревской пятины 1499 г., книги дворцовых земель Бежецкой пятины рубежа XV—XVI вв., книг Порховского уезда 1576 г. В.М. Безобразова.

Также впервые на основе систематического изучения данных о географическом расположении населенных пунктов, территориально-административном делении и структуре землевладения новгородской пятины дано представление о характере работы над черновиком писцовой книги в конце XV в.: алгоритмах компоновки и особенностях группировки материала. В ходе исследования территориально-административного устройства Деревской пятины сделан вывод о том, что погосты-округа не служили фундаментом административного устройства Новгородской земли вплоть до рубежа XV—XVI вв., как принято считать до сих пор. Уточнение датировки и анализ структуры

данных писцовой книги Деревской пятины 1499 г. позволили развеять историографический миф о многократных конфискациях московским правительством земель у новгородского архиепископа и монастырей на протяжении последней четверти XV в. В действительности почти все земли новгородских архиепископа и монастырей принадлежали им вплоть до января 1499 г.

Последовательное сопоставление порядка описания селений писцовой книги с их взаимным расположением на местности впервые позволило проанализировать в диссертации обширный историко-географический материал, заключенный в писцовой книге, как отражение работы писца «в поле». Изучение структуры текста позволило определить необходимые условия, при которых последовательность описания селений в рукописи может быть использована для реконструкции маршрутов перемещения лиц, описывавших местность, а также методов их работы.

Впервые в историографии сформулирована проблема определения подлинности/копийности писцовых книг, созданных до середины XVI в. Установлено, что роль подлинников могли выполнять сразу две редакции писцовой книги, порой различающиеся в деталях.

Почти для всех известных новгородских писцовых книг и их фрагментов, хранящихся в ф. 137 и ф. 1209 РГАДА, удалось проследить их архивную судьбу в XVII–XX вв. Учтены отдельные наблюдения, высказанные в историографии, но целостная картина истории документального комплекса восстановлена впервые.

Кроме того, в диссертации в научный оборот вводится ряд прежде неизвестных или практически не использовавшихся ранее архивных документов: россыпь листов из книги В.М. Безобразова 1576 г. (РГАДА. Ф. 137. Новгород, 6а); фрагмент Описи дел Поместного стола Новгородской съезжей избы 1699 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17779), дачные книги 7093 г. и отдельные книги 7090 г. южных погостов Деревской пятины (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17146).

Источниками исследования послужил комплекс новгородских писцовых книг, хранящихся, главным образом, в РГАДА в двух фондах: ф. 137 (Боярские и городовые книги) и ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). В зависимости от конкретных задач, которые решались на материале той или иной книги, для работы привлекались как научные издания этих источников (серии «Новгородские писцовые книги» (1859–1910 гг.) и «Писцовые книги Новгородской земли» (1999–2009 гг.) и ряд публикаций отдельных рукописей или фрагментов), так и сами рукописи. Необходимым оказалось привлечение и других писцовых книг Русского государства: торопецкой книги 1540 г., книги Ржевы Володимеровой (половины

князя Дмитрия Ивановича) 1588–1589 г. и др. Использованы были делопроизводственные выписи из писцовых книг, хранящиеся в ф. 1209 РГАДА в составе столбцов по Новгороду. Вспомогательную роль в исследовании сыграли русские летописи, поземельные акты, вотчинные хозяйственные книги, архивные описи XVIII–XIX вв.

Теоретическая значимость работы

В диссертации демонстрируется эффективность ряда подходов, которые были либо не известны историографии, либо не привлекали к себе должного внимания. Центральным в источниковедческом изучении писцовой книги является понятие «многослойного» источника. Текст рукописи представляется своего рода «проекцией на плоскость» наборов данных различного происхождения, каждый из которых имеет свою специфику, свои принципы отбора и группировки, в связи с чем изучение каждого из них предполагает особый набор методов исследования. На примере нескольких рукописей показана необходимость применения в изучении писцовых книг приемов кодикологии и палеографии, которое способно существенно изменить восприятие источника и повлиять на исследовательские выводы – в том числе касающиеся социально-экономической и политической истории Руси XV–XVI вв.

Установлено, что многие документы, связанные с новгородским писцовым делопроизводством, имеют сложную историю перемещения между учреждениями. Собранные под одной обложкой листы, воспринимаемые в историографии как писцовая книга, могут в действительности представлять собой конволют, а отдельные фрагменты одной рукописи могут находиться в различных фондах и даже в различных архивах страны.

Сравнение уцелевших оригиналов с выписями, сделанными с книг того же письма еще в XVI в., обнаружило наличие расхождений в деталях между теми и другими и продемонстрировало, что роль подлинника могли играть разные экземпляры писцовой книги, различающейся в деталях. Сравнение писцовых книг разных поколений, относящихся к одной территории, выявило необходимость учитывать характер использования приправочной документации при исследовании структуры текста и состава данных писцовой книги. С учетом этого предложена классификация книг 1540-х годов.

В диссертации также продемонстрирована возможность выделения в тексте писцовой книги различных «слоев» данных – путем анализа структуры текста в сочетании с наблюдениями над кодикологией и почерками рукописи, а также возможность реконструировать последовательность описания селений «в поле» – путем сопоставления порядка их описания в тексте с взаимным расположением на местности. Сформулированы необходимые требования, предъявляемые к структуре описания, без которых такая реконструкция невозможна.

Практическая значимость работы

Дано кодикологическое и палеографическое описание, предложена атрибуция (время, место, обстоятельства создания) ряда рукописей конца XV–XVII в. Прослежен путь до современных архивов большинства рукописей новгородских книг. Предложенный подход в изучении архивной судьбы рукописей может быть применен для отслеживания истории писцовых книг других уездов Русского государства.

Методы кодикологии впервые применены для атрибуции (место, время, назначение) целого комплекса писцовой документации, в то время как ранее они редко применялись лишь к единичным писцовым книгам.

В научный оборот введены тексты ряда документов писцового делопроизводства XVI в. и архивных описей XVII–XVIII вв.

Комплекс предложенных подходов может послужить современной методической базой для дальнейшего источниковедческого изучения писцовых книг. Диссертация может использоваться при подготовке учебных курсов и пособий по кодикологии, палеографии, исторической географии, исследованию русских документальных источников.

Методологической основой исследования

послужил принцип историзма. В работе применены методы исторического источниковедения, в первую очередь – кодикологический и палеографический, исторической географии, текстологии.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Писцовая книга – это исторический источник, сохранивший информацию, имеющую различное происхождение и прошедшую несколько этапов обработки. Таких этапов как минимум три: работа «в поле»; перекомпоновка полевых записей в черновик книги; составление белой рукописи. На каждом из них логика организации материала была своя: сначала «пространственная», затем «фискальная» и, наконец, «канцелярская». Большинство сохранившихся новгородских писцовых книг представляют собой итог всей этой работы, и структура материала начальных этапов сохраняется в ней лишь в той степени, в какой ее не разрушают этапы последующие.

- Для исследования каждого из этапов работы с данными, вошедшими в писцовую книгу, эффективны особые приемы. Методы кодикологии и палеографии применимы для изучения последнего, белого, этапа. Охарактеризовать черновик книги помогает изучение связи между порядком расположения материала в писцовой книге, с одной стороны, и административно-территориальным делением и землевладельческой структурой региона, с другой, особенно при возможности использования географической информации, заключенной в источнике. Основным методом реконструкции порядка описания селений в полевом дневнике писцов является сопоставление порядка пере-

числения объектов в писцовой книге с их взаимным пространственным расположением и особенностями ландшафта.

- Писцовые книги до середины XVI в. не могут быть определены как список по отсутствию скрепы, поскольку лишь с 1550 г. в русском делопроизводстве вводится практика ее проставления. Роль подлинника могли выполнять сразу две редакции писцовой книги, порой различающиеся в деталях.

- Атрибуция скреп тем или иным должностным лицам дает основания не только для решения вопросов датировки и подлинности или копийности, но и для выяснения места изготовления и направлений перемещения конкретной писцовой документации в середине XVI–XVIII в.

- Наиболее древние новгородские книги попали в коллекцию ф. 137, будучи переданы из Новгорода в Москву в 1688 г. Остальные книги либо пересылались в Москву в течение XVII в., либо хранились в Новгороде до 1738 г., когда были переданы в Санкт-Петербургскую вотчинную контору.

Апробация результатов

Результаты исследования прошли апробацию на ряде российских и международных конференций: «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», Москва), «Восточная Европа в древности и средневековье», «Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия)», «Палеография, кодикология, дипломатика» (ИВИ РАН, Москва), «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» (РГГУ – ИВИ РАН), «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова» (МГУ, Москва), «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв.» (г. Санкт-Петербург, г. Балахна, г. Городец), Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы (ИСл РАН – Самарский госуниверситет, г. Самара) и др. Многие выводы, представленные в диссертации, были получены в ходе реализации исследовательских проектов, в которых автор выступал в качестве руководителя или основного исполнителя¹. Некоторые авторские материалы, использованные в работе и полученные в ходе нее, опубликованы в ряде интернет-проектов, в том числе, веб-геоинформационных системах: <https://histgeo.ru/>

---

¹ Научные проекты, поддержанные РГНФ: №04-01-57001а/ц, №07-01-00287а, № 13-01-00122а; проект РФФИ №10-06-97503-р_центр_а; «докторская» стипендия Германского исторического института в Москве с 20 ноября по 20 декабря 2015 г. и др.

sophia.html; <https://www.histgeo.ru/tablederev.html>; **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** Материалы диссертации нашли отражение в серии научных публикаций автора: трех монографиях, одна из которых авторская, и 40 научных статей, в том числе 17 публикациях в авторитетных научных журналах, включенных в базы данных Scopus и Web of Science, а также рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы

Работа состоит из Введения, четырех глав, заключения, семи приложений (из них два подготовлены И.Ю. Анкудиновым и одно – Л.В. Мошковой), 62 таблиц, списка источников и литературы, списка принятых сокращений.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуются объект и предмет, цель и задачи, научная новизна диссертации, используемые методы исследования.

Глава 1 «Методы источниковедения средневековых поземельных описаний в историографии». В Разделе 1.1 рассматривается то, как со временем у исследователей менялось восприятие писцовой книги и, соответственно, какие подходы к ее изучению были выработаны в источниковедении. В полуторавековой истории изучения этого вида источника выделено несколько периодов. Первый, «публикаторский», начинается в середине XIX в., когда в изданиях писцовых книг появляется минимум сведений, касающихся внешней критики источника. Важнейшими историографическими фактами этого периода являются монография К.А. Неволлина², издание Археографической комиссией нескольких томов в серии «Новгородские писцовые книги»³, публикация описей документов Московского архива Министерства юстиции – основного хранилища писцовой документации Русского государства⁴, издание большинства описаний XVI в. центральных уездов⁵. Целенаправленная аналитическая работа с писцовыми книгами находилась в самой начальной стадии и касалась больше документации XVII в.

---

² *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских (Записки Русского Географического общества. Т.8). СПб., 1853. С. 12.

³ Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. I; СПб., 1862. Т. II; СПб., 1868. Т. III; СПб., 1886. Т. IV; СПб., 1905. Т. V; СПб., 1910. Т. VI.

⁴ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1. СПб., 1869; Кн. 2. СПб., 1872; Кн. 5. СПб., 1888.

⁵ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1 / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1872; Писцовые книги Московского государства Ч. 1. Отд. 2 / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877.

(А.С. Лаппо-Данилевский⁶, И.Н. Миклашевский⁷). Были описаны основные механизмы писцового делопроизводства, поднят вопрос об источниках, легших в основу сведений писцовой книги, и о достоверности заключенной в ней информации. Эти наблюдения начали сказываться и на подходах к изучению книг XVI в. (А.А. Дмитриев⁸, И.И. Лаппо⁹).

Проблемы, актуальность которых стала очевидна к концу данного периода, сформулировал В.О. Ключевский: «в изучении этого источника еще не установились твердые, общепризнанные и испытанные приемы»¹⁰. Важным он считал выяснить, «какими способами и какие данные добывал писец и какую цену придавал он разным категориям данных, что он расследовал сам, что узнавал от ответственных местных показателей, окладчиков и т. п., что, наконец, заимствовал из прежних описей»¹¹.

Со вторым периодом изучения писцовых книг, «источниковедческим» (конец XIX – начало XX в.), связано массовое появление работ, либо специально посвященных анализу источников, либо уделяющих ему значительное внимание. Важнейшие работы этого периода принадлежат перу Ю.В. Готье¹², Н.А. Рожкова¹³, И.Н. Миклашевского¹⁴, Н.Н. Ардашева¹⁵, А.М. Андрияшева¹⁶, С.Б. Веселовского¹⁷. Успехи

---

⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 191–213.

⁷ *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894.

⁸ *Дмитриев А.А.* О степени достоверности древнейших Великопермских писцовых книг Яхонтова // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. II. Пермь, 1893. Отдел научный. С. 15–20.

⁹ *Лаппо И.* Тверской уезд в XVI в. Его население и виды земельного владения. М., 1893.

¹⁰ *Ключевский В.О.* Разбор исследования г. Чечулина «Города Московского государства в XVI веке». СПб., 1892. С. 1.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

¹³ *Рожков Н.А.* К вопросу о степени достоверности писцовых книг // Древности. Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. Т. I. Вып. 2. М., 1898.

¹⁴ *Миклашевский И.Н.* Древнерусские поземельные кадастры // Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. VI. № 4. СПб., 1903. С. 1–34.

¹⁵ *Древности.* Труды Московского археологического общества. Т. 21. Вып. 2. М., 1907. Протоколы. С. 85.

первых десятилетий XX в. в источниковедческом исследовании писцовой документации вели к осознанию многоэтапности ее формирования. Несформулированной, но явно обнаружившей себя стала тенденция рассматривать порознь информативные возможности отдельных блоков информации источника: сведений о пашне, об угодьях, о методах измерений, о доходах в пользу землевладельца, о размерах посева и т.д. Более явно выражена тенденция к статистическому анализу сведений, который применялся не только для характеристики явлений, отраженных в источнике, но и для выяснения достоверности самого источника.

К сожалению, сложность процесса формирования изучаемой источниковедом рукописи писцовой книги не была еще осознана вполне. Историки предполагали многослойность информации источника в основном тогда, когда они не могли объяснить то или иное видимое противоречие в его показаниях. Иногда же, наоборот, обнаруженные парадоксы вели к далеко идущим историческим интерпретациям, в то время как следовало бы обратиться к более точному представлению о специфике источника.

После Октябрьского переворота 1917 г. начался «аграрный» период изучения писцовых книг. В первые десятилетия источниковедение писцовых книг находилось в стагнации и не всегда эксплуатировало даже те продуктивные подходы, которые были разработаны ранее. Позитивный опыт был надолго забыт, а «скептики» (А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милуков, С.Б. Веселовский) жестко критиковались с классовых позиций. Вследствие такого отношения к «буржуазным» предшественникам в историографии надолго укоренилось «потребительское» отношение к писцовой книге, при котором она считалась заслуживающей полного доверия во всех отношениях, причем критике источник не подвергался вовсе или подвергался только в самом поверхностном виде¹⁸, либо же речь шла о том, насколько более или менее достоверны сведения одного описания относительно другого¹⁹. Внимание советских ученых было сфокусировано главным образом на

---

¹⁶ Андрияшев А.М. О необходимости предварительного изучения текстов писцовых книг // Русский исторический журнал. Т. 1. Пг., 1917. С. 103–110.

¹⁷ Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. 1; М., 1916. Т. 2.

¹⁸ Тараканова-Белкина С.А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939. С. 10–20; Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М; Л., 1961; Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980; и многие другие.

¹⁹ Масленникова Н.Н. Изучение писцовых книг 20-х гг. XVII в. в их соотношении с другими документами писцового дела // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 243–249.

исследовании данных о крестьянском хозяйстве, экономике русской деревни и землевладении, а характеристика источников чаще всего приводилась попутно²⁰. Более внимательное отношение к различным аспектам источниковедения писцовых книг стало проявляться в последние десятилетия советского периода в работах Р.Г. Петровой²¹, Г.А. Победимовой²², Н.П. Воскобойниковой²³, А.П. Павлова²⁴, Е.И. Колычевой²⁵. Обстоятельное рассмотрение комплекса книг 1620-х гг. содержится в монографии Л.В. Милова, М.Б. Булгакова и И.М. Гарсковой²⁶.

Возрождение дореволюционных традиций источниковедения и их творческое развитие до состояния комплексного изучения писцовых книг связано с именем В. Б. Павлова–Сильванского.²⁷ Характеризуя общий уровень развития источниковедения писцовых книг, исследователь констатировал, что те блестящие источниковедческие практики, которые применяются историками для изучения летописей, жалованных грамот, нарративных и других письменных источников и которыми отечественное источниковедение по праву может гордиться, далеко

---

²⁰ Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 10–12; Ивина Л.И. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг 20-х–30-х годов XVII в. как источника по исторической географии (на материалах Угличской земли) // ВИД. Т. XIII. Л., 1982. С. 193–209; Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987; Чернякова И.А. Опыт реконструкции писцовой книги Заонежских погостов 1628–1631 гг. // ВИД. Т. XX. Л., 1989. С. 187–197; Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М., 1990; и др.

²¹ Петрова Р.Г. Отрывок из писцовой книги конца XV в. // Источниковедение отечественной истории. 1979. Сб. ст. / Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1980. С. 238–275.

²² Победимова Г. А. 1) Обыскная книга 1573 г. Деревской пятины // ВИД. Т. XII. Л., 1981. С. 47–60; 2) Платежница Деревской пятины 1558 г. // ВИД. Т. VIII. Л., 1976. С. 204–218.

²³ Воскобойникова Н.П. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVI–XVII вв. как исторический источник // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1: Труды Вологодской научной конференции по историографии и источниковедению. Декабрь 1969 г. Вологда, 1970; и др.

²⁴ Павлов А.П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старицкого у. 1624–1626 гг.) // ВИД. Т. XVII. Л., 1985. С. 100–120.

²⁵ Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987.

²⁶ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.

²⁷ Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги России XVI в.: проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М., 1991; и др.

не в полной мере применяются в источниковедении делопроизводственных документов русского средневековья, писцовых книг – в частности.

Постсоветский период характеризуется снижением интереса к аграрной истории и повышением интереса к истории социальной. Исследователи чаще стали уделять внимание тому, какие источники использовались при составлении писцовой книги, какое место она занимает в делопроизводственном процессе, каким образом связана с последующими описаниями.²⁸ Ряд публикаций снабжен развернутым источниковедческим комментарием (писцовые книги Звенигородского уезда 1558–1560 гг.²⁹ и Рузского уезда 1567–1569 гг.³⁰ Ярославского уезда XVI в.³¹, сборник документов с описаниями городов России XVI в.³²). Важную роль в изучении делопроизводственной и архивной судьбы и характеристике писцовых книг как источника сыграли работы сотрудников РГАДА М.Ю. Зенченко,³³ Н.П. Воскобойниковой,³⁴ К.В. Баранова,³⁵ Л.В. Мошковой.³⁶ Серия работ А.А. Фролова, вышед-

---

²⁸ Антонов А.В. Землевладельцы Ржевского уезда по материалам писцовой приправочной книги 1588–1589 годов // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 297–324; Анкудинов И. Ю. Предисловие // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.: Сборник документов / Сост. И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. I–XIV; Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

²⁹ Кистерев С.Н. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. М., 1992. С. 3–13.

³⁰ Кистерев С.Н. Писцовая книга Рузского уезда 1567–1569 годов // Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов / Подгот. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1997. С. 5–29.

³¹ Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: Вотчинные земли / Сост. В.Ю. Беликов, С.С. Ермолаев, Е.И. Колычева. СПб., 1999; Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: Поместные земли / Сост. В.Ю. Беликов, С.С. Ермолаев. СПб., 2000.

³² Города России XVI века: материалы писцовых описаний / Подгот. Е.Б. Французова. М., 2002. С. III–XLI.

³³ Зенченко М.Ю. 1) Материалы поземельных описаний Русского Севера XVI–XVII вв. // КПКРГ. Вып. 1. М., 2001. С. 3–33; 2) Материалы поземельных описаний Новгородской земли // КПКРГ. Вып. 2. М., 2004. С. 3–16; и др.

³⁴ Воскобойникова Н.П. К истории создания писцовой книги Сольвычегодского (Усольского) уезда 1623–1628 гг. // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. Вологда, 2003. С. 74–83; и др.

³⁵ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1–6 / Сост. К.В. Баранов. М., 1999–2009.

ших в 2000–2010-е гг. и включенных в настоящую диссертацию, развивают эти традиции. В целом, в постсоветский период некоторые изменения в подходах к источниковедению писцовых книг произошли, но далеко не всегда в исследованиях находят место комплексный подход, детальная проработка различных вопросов внешней и внутренней критики источника и увязка сделанных наблюдений между собой.

Анализ историографии позволяет заключить, что после полутора столетий интенсивной эксплуатации сведений новгородских писцовых книг для изучения истории экономики, исторической географии, генеалогии и других областей исторического знания до сих пор существует острая потребность в источниковедческом изучении этих документов, в определении происхождения содержащихся в них сведений и, соответственно, их информативных возможностей. Неустановленными являются даже происхождение некоторых давно известных науке рукописей и их состав.

Качественно новый уровень современного источниковедения писцовых книг должны обеспечить два направления исследований, делающие изучение этой категории исторических источников комплексным. 1) рассмотрение отдельных документов в контексте делопроизводительной деятельности породивших их учреждений и изучение истории архивов, в составе которых эти документы хранились на протяжении последующих столетий. 2) развитие «стереоскопического» взгляда на писцовую книгу, при котором информативные возможности каждого блока сведений рассматриваются с учетом их происхождения, путей попадания в текст источника, методов сбора и обработки.

В Разделе 1.2 русский материал сравнивается с источниковедческими исследованиями английской Книги Страшного Суда 1086 г. Ее уникальным достоинством является наличие значительного числа документов («сателлитов»), которые были связаны с тем же поземельным описанием, но отражали иные стадии процесса обработки или иные формы использования документального материала. Поэтому различение процедуры поземельного описания и собственно составления Книги присутствует в работах исследователей с самого начала. Усилиями нескольких поколений исследователей (наиболее известные: *J.H. Round, F.W. Maitland, V.H. Galbraith, P.H. Sawyer, H.C. Darby, Welldon R. Finn, A.R. Rumble, H.B. Clarke, D. Roffe*) был исследован весь комплекс этих источников, выяснен характер их связей, назначение, источники информации, методы компоновки.

---

³⁶ *Мошкова Л.В.* Палеографический и кодикологический анализ писцовой книги Деревской пятины конца XV века: проблемы и подходы // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». М., 2008. С. 215–224; и др.

В Главе 2 «Новгородские писцовые книги: история комплекса источников» рассмотрена история документального комплекса, хранящегося в настоящее время, в основном, в ф. 137 и ф. 1209 РГАДА. Раздел 2.1 посвящен изучению архивной судьбы писцовых книг. Установлено, что основу коллекции писцовых книг XVI в. ф. 137 РГАДА составили книги, переданные новгородскими властями в Москву в Новгородскую четверть 18 января 1688 г. во исполнение царского указа 1687 г. о присылке в столицу книг древнее 7090 г. Некоторые из этих книг в настоящее время науке неизвестны, другие не названы в Росписи 1688 г., но прибыли в Москву вместе с перечисленными – в составе конволютов. В ф. 137 эта коллекция перешла через архив Посольского приказа и Московский главный архив Министерства иностранных дел.

Наиболее подробно в рамках диссертационного исследования в связи с вопросом об архивной судьбе этой группы книг изучены писцовые материалы В.М. Безобразова 1576 г., опубликованные в основном еще в 1905 г. Выяснилось, что дело «Новгород, ба» из ф. 137 – конволют из фрагментов двух книг. Несколько тетрадей одной из этих книг хранятся в составе другого конволюта № 17146 в ф. 1209 (Оп. 3). Закономерные вопросы о том, почему ряд книг с датой древнее 7090 г. оказался в составе ф. 1209 и как тетради одной и той же рукописи 1576 г. оказались разделены между этими двумя фондами, имеющими совершенно разное происхождение, решается анализом состава новгородских книг фонда Поместного приказа (состоящего из документов Вотчинного отделения Московского архива Министерства юстиции (Мамю) – ныне ф. 1209 РГАДА).

В диссертации последовательно рассмотрены документы из описи 3 фонда 1209, переданные из Новгорода в Санкт-Петербургскую вотчинную контору в 1738 г., и описи 1 фонда 1209, включившей, главным образом, дела архива Поместного приказа. Писцовые книги или конволюты относительно хорошей сохранности, получившие поначалу пятизначные шифры внутри коллекции Санкт-Петербургской вотчинной конторы, в 1890–е гг. были переданы в основную коллекцию Поместного приказа и попали в результате в опись 1. Остальные, прямо охарактеризованные Д.Я. Самоквасовым как ветхие, сохранили свои пятизначные номера. Почти все они входят в состав конволютов, объединяющих случайные фрагменты документов по разным пятинам различного времени. Статистическое распределение дел этой «россыпи» по десятилетиям позволяет заключить, что они представляют собой остатки архива Новгородской приказной избы, отложившегося главным образом до эпохи Смуты. Его плачевное состояние следует предполагать уже к 1688 г.: сам факт нахождения среди дел описи 3 документов, датирующихся временем ранее 7090 г., означает, что нов-

городские подьячие, отправившие из своего архива все книги древнее этого года в Москву в 1688 г., уже не могли идентифицировать их в этой массе бумаг.

Оценить состояние документального фонда в XVII в. позволяет новгородская опись 1699 г. В ней он описан по шести разделам, из которых пять соответствуют делению Новгородской земли по пятинам, а шестой объединяет дефектные дела. Все писцовые книги 7090 г. и мо- ложе находят соответствие в книгах описи 1 ф. 1209. Документы шесто- го раздела с россыпью из описи 3 ф. 1209 напрямую почти не соот- носятся, поскольку в 1738 г. документы были перегруппированы, а сами сборники, которыми мы располагаем сейчас, есть в значительной степени продукт деятельности архивиста и переплетчика в 1738 г. в Санкт-Петербурге или архивиста несколько ранее в Новгороде, кото- рые едва ли как-то учитывали определения документов, данные в Опи- си 1699 г. Но ядро коллекции документов Раздела 6 – это дела от 7060 до 7121 г. включительно.

История документальных комплексов, отложившихся в фондах 137 и 1209 РГАДА, дает основание считать, что событие, которое привело к разделению частей одной рукописи между двумя архивами – Коллек- тии иностранных дел и Вотчинной конторы, могло произойти только в Новгороде ранее 1688 г. Оно может быть датировано 1645/46 г.: со- гласно ряду свидетельств, оставленных почерками XVII–XVIII вв. на писцовой документации, в этом году под обломками новгородской церкви Происхождения Честного Креста был погребен архив старых документов Поместного стола, организованный в ней «после немецко- го разоренья». Позднее обрушение было разобрано. Те книги, что по- страдали при обрушении церкви меньше, были с разной степенью точ- ности атрибутированы, получили определенное название и дату. Остальные же были отнесены к «россыпи».

Помимо книг, переданных в коллекцию Поместного приказа из коллекции Санкт-Петербургской вотчинной конторы в 1890-е гг., опись 1 содержит ряд книг по Новгороду, попавших в Поместный при- каз еще до его упразднения. И хотя среди них практически отсутству- ют новгородские книги древнее 1580-х гг., некоторые наблюдения об архивной истории этого собрания необходимы для формирования об- щего представления о составе корпуса писцовых книг Русского госу- дарства и месте в нем новгородских материалов. Судьба новгородских книг в XVIII в. прослежена благодаря описи 1717 г., ведомостям 1722 г. и 1744 г. Современная группировка книг по архивным шиф- рам находит объяснение в истории этого времени.

Раздел 2.2 посвящен изучению «делопроизводственной судьбы» новгородских писцовых книг. Под этим понятием подразумевается история использования книг с момента создания до момента, когда

книга перестает использоваться по своему основному назначению – для решения вопросов земельного учета, налогообложения и сбора налогов – и остается лишь источником для архивных выписок, необходимых, прежде всего, для справки по вопросам приказного делопроизводства. При изучении делопроизводственной судьбы книг древнее середины XVI в. важнейшим вопросом, который приходится решать, является различие подлинной книги и списка.

Ни по присутствию скрепы, ни по особенностям состава данных известные новгородские книги конца XV – первой половины XVI в. не могут быть аргументированно отнесены ни к подлинникам, ни к спискам. Историография почти единодушна в том, чтобы считать книги древнее середины XVI в. списками, но единственным основанием для этого служит отсутствие скрепы писца. Вместе с тем, на них нет и дьячих скреп, обычных для списков второй половины XVI–XVII в.

Датировки новгородских книг со скрепой и без скрепы позволяют связать появление практики полистной скрепы с предписанием Судебника 1550 г.: скрепа появляется уже в документах 1550/51 г. и с этого времени присутствует почти на всех рукописях. Отсутствие скрепы на более ранних книгах сделало проблематичным определение подлинника книги древнее середины XVI в. уже в делопроизводственной практике второй половины столетия. Сравнение текстов писцовых книг 1540–х гг. с выписями XVI–XVII вв., сделанных с тех же книг, выявило факты расхождения между ними в деталях, что привело к предположению об использовании в качестве подлинника двух, слегка различающихся, редакций писцовой книги. Оно подтверждается противопоставлением в тексте некоторых документов писцового делопроизводства «подлинника» и «перечня» – в случае каких-либо расхождений между ними, а также довольно большим числом прямых свидетельств о существовании двух редакций писцовых книг XVI–XVII вв. Анализ этих расхождений дает основания считать, что они связаны с принадлежностью «перечня» и «подлинника» к различным стадиям подготовки писцовой книги.

Для документов второй половины XVI в. полистная скрепа является не только индикатором подлинности, но и источником по делопроизводственной истории. Наиболее информативны в этом отношении те новгородские писцовые книги, на которых полистная скрепа поставлена лицами, не служившими в Новгороде. В середине 1580-х годов с некоторых писцовых описаний новгородских земель середины 1570-х – начала 1580-х годов изготавливаются списки, скрепленные не новгородскими дьяками, а дьяками Псковской приказной избы (две книги Порховского уезда 1576 г. В.М. Безобразова) и московской Поместной избы (писцовые книги южных погостов Деревской пятины 1581/82–1582/83 гг., отдельные и дачные книги на ту же территорию 1581/82–

1585/86 г.), Поместный приказ оказывается причастен и к созданию некоторых подлинных новгородских книг (писцовая книга Тверской половины Бежецкой пятины Ф.М. Ласкирева). В диссертации приводятся аргументы в пользу того, что изготовление данной документации во Пскове и Москве связано со взятием Порховского уезда и южных погостов Деревской пятины в «удел князя Ивана Московского» в 1576 г. и Бежецкой пятины – в опричнину в 1570 г., а последующая передача документов в Новгород – с возвратом к прежней конфигурации границ после смерти царя Ивана Грозного.

В Главе 3 «Создание рукописи писцовой книги» рассматривается то, как устроена писцовая книга «внутри»: где и когда она создавалась, каковы этапы ее создания, что за факторы определяли порядок, в котором расположен материал в книге. Наиболее информативной в этом отношении является рукопись писцовой книги Деревской пятины письма 1495/96–1496/97 гг. (ПКДП). На ее материалах создан исторический атлас,³⁷ значительная работа по восстановлению правильного порядка ее листов и по оценке размеров утрат выполнена была еще А.И. Никитским, А.М. Андрияшевым³⁸ и Н.Н. Ардашевым³⁹. Подробное исследование кодикологии и палеографии рукописи выполнено Л.В. Мошковой. Практическая значимость этой работы заключается, прежде всего, в возможности на основе полученных результатов судить о процессе изготовления рукописи, местах добавлений, замен и вставок, а также о последовательности изготовления ее отдельных частей. Это непосредственно влияет на достоверность датировки конкретных сведений источника.

Раздел 3.1 посвящен определению времени и места изготовления рукописи. Главным ориентиром для выяснения хронологии работы над источником на различных этапах являются датированные записи, встречающиеся в нем (с годами прекращения действия льготы, их длительностью, сообщениями о смерти землевладельца, о передаче земли в поместье и т. д.). Сходную роль играет упоминание фактов, дата ко-

---

³⁷ Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т. 1–3. М.; СПб., 2008.

³⁸ Никитский А.И. Заметки об издании новгородских писцовых книг // ЖМНП. Ч. ССХП. 1880. № 2. С. 268–296; Андрияшев А.М. О необходимости предварительного изучения текстов писцовых книг // Русский исторический журнал. 1917. № 1. С. 103–110; РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. № 8320. Об этой работе см.: Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999. С. 393.

торых известна по другим источникам. Принципиально важно установить, принадлежит ли такая запись изначальному тексту, является припиской или находится на замененных или добавленных в рукопись листах. Предпринятый анализ позволил заключить, что время проведения «нового письма» не выходит за пределы интервала 1 сентября 1495 – 31 августа 1497 г., хотя наиболее вероятно, что оно длилось несколько меньше времени, чем два календарных года. Время создания беловика рукописи не выходит за пределы 1 сентября 1498 – 31 августа 1499 г., но наиболее вероятно, что работа шла в течение одного или нескольких месяцев в районе января 1499 г. Рукопись ПКДП дополнялась и корректировалась даже в течение срока, когда ее текст был уже отдан в переписку для изготовления белового экземпляра. Корректировка данных происходила и ранее, в ходе подготовки черновика.

Сузить датировку работы над рукописью позволяют наблюдения над тем, как отражены в тексте конфискации земель у архиепископа и новгородских монастырей, имевших место в январе 1499 г. Среди других владений, отписанных на великого князя, этот массив земель отличается отсутствием сведений о доходе. Большинство описаний таких земель находится не на замененных листах ПКДП, а сразу было помещено в подобающее их новому владельческому статусу место. Следовательно, работа над беловиком рукописи была начата не ранее января 1499 г. Важнейший этап работы над ней находится в пределах первых месяцев этого года. Несколько позднее или даже одновременно с работой над рукописью произошла замена ряда тетрадей в уже готовом тексте, после чего изменения в статусе земель стали вноситься на поля рукописи – причем наиболее активно еще до 1 сентября 1499 г.

Значительное количество почерков и характер их смены свидетельствуют о том, что книга была изготовлена в довольно сжатые сроки. Оформление книги позволяет предполагать наличие у нее не только чисто утилитарного (учет земли), но и презентационного предназначения. Некоторые из почерков книги Л.В. Мошкова обнаружила и в других документах, происходящих из Москвы: в жалованной грамоте великого князя Василия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю от 3 февраля 1512 г. и в правой грамоте от имени великого князя от 14 апреля 1511 г.⁴⁰, на документах внешних сношений с Османской империей 1480–1510-х гг.⁴¹ Установленные дата и место изготовления ру-

---

⁴⁰ Мошкова Л.В. Палеографический анализ грамот начала XVI в.: проблема отождествления почерков // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. М., 2013. С. 123–128.

⁴¹ Москва – Стамбул: история отношений в архивных документах. XV век – начало XVIII века. Стамбул, 2015. С. 21–37.

кописи дают основания связать ее появление с важным политическим событием – провозглашением великим князем новгородским и псковским сына Ивана III Василия, которое состоялось 21 марта 1499 г. Скорее всего, московские подьячие должны были подготовить книгу – первую из пяти – к церемонии провозглашения Василия великим князем, как осязаемое воплощение его «государства».

В разделе 3.2 рассматривается структура ПКДП в связи с административно–территориальным устройством пятины. Последнее исследовано в диссертации специально, поскольку представления об устройстве Новгородской земли на рубеже XV–XVI вв., устоявшиеся в историографии, базируются на показаниях книг Водской и Шелонской пятин, структура которых имеет существенные отличия. В них материал сгруппирован по платежным единицам, совпадающим с погостами, которые объединены в уезды.

В Деревской и Бежецкой пятинах фиксируются более архаичные порядки, связанные с домосковским укладом. В ПКДП состав таких платежных единиц определялся набором владений, входящих в один из присудов. В главах сгруппированы земли не только «титульного» погоста, но и целого ряда других, не обязательно соседних, если в них находились земли, принадлежавшие тому же владельцу. Границы присудов совпадают с земельными владениями лишь новгородских вотчинников, поместными раздачами это соответствие уже нарушено. В данной системе нет места территориальной единице – погосту. В ПКДП он фигурирует лишь как округ, описанная писцами из одного погоста-центра и иногда обозначается термином «уезд». Архаичный «уезд» соотносится с элементами церковно-приходской структуры, отраженными еще приходной книгой дома Святой Софии 1576/77 г. Около 1500 г. в качестве платежных единиц начинают рассматриваться погосты–округа, а «уездом» именуется группы погостов, составляющие округу одного города. Следствием группировки материала ПКДП по владениям, а также дополнения сведений письма более свежими данными, стал ряд «технических накладок», заключающихся в воспроизведении в тексте ПКДП описания одной деревни дважды. Это помогло охарактеризовать в диссертации приемы переработки данных полевого дневника писцов в черновик рукописи.

Результаты изучения территориально-административной организации Деревской пятины позволили в Разделе 3.3 перейти к анализу структурирования материала внутри глав ПКДП. Взаимное расположение земель различных владельческих категорий (великокняжеские оброчные, поместные, владычные, монастырские, своеземские) предположительно связано с мобильностью соответствующих категорий: наименее стабильным было положение оброчных земель – они подлежали раздаче служилым землевладельцам, потому должны быть

находимы в каждой главе быстрее всего. Относительно менее мобильны земли помещиков, которые, все же, могут быть легко переданы другому лицу Земли владыки, монастырей и своеземцев принципиально менее мобильны.

На расположение земель внутри одной категории влиял ряд факторов. Порядок описания в ПКДП оброчных земель исходит из хронологии конфискаций, хотя этот принцип не соблюдался неукоснительно. Версия о расположении в каждой главе поместий в порядке их раздачи может рассматриваться как рабочая, но требует проверки по книгам остальных пятин. Для суждения о закономерностях расположения вотчинных земель внутри глав ПКДП не дает достаточно материала.

Внутри одного владения очевидна сортировка по объектам различного статуса: селам, деревням, починкам, пустошам. Но вопрос о порядке, в котором внутри отдельного владения располагались объекты одного статуса, связан уже с методами работы писцов «в поле», поэтому рассматривается в Главе 4.

Изучение структуры текста ПКДП позволило перейти в Разделе 3.4 к решению вопроса о том, каким образом древнейшая из известных книг предопределила структуру книг следующей генерации – 1540–х годов, а те, в свою очередь, – приправочных книг 1550/51 г. Для этого потребовалось восстановить сначала номенклатуру погостов, которые описывала каждая комиссия во время этих кампаний, с учетом свидетельств дополнительных источников. Взаимное расположение погостов в главах новгородских книг начала 1540–х гг. отражено в т.н. «Росписи погостов», которая была специально исследована как исторический источник. Структура писцовых книг 1540–х годов Деревской пятины во многом была задана структурой ПКДП, которая использовалась писцами в конце 1530-х гг. в качестве справочного материала. Порядок глав в книгах был получен путем «расшивки» оглавления ПКДП, за которой стоит, надо полагать, «разъятие» общего приправочного списка по главам. Из текста ПКДП переносились и данные о доходе в пользу помещика, которые уже теряли свою актуальность для нужд учета земельного фонда. Однако очередность описания отдельных поместий такого влияния не испытала, поскольку составитель книг 1540-х годов самостоятельно производил перекомпоновку полевых материалов. Гораздо более зависима структура данных приправочных книг 1550/51 г. Фактически они представляют собой конспект текста из книг 1540-х годов, отредактированный в соответствии с изменившимися реалиями и дополненный некоторыми новыми сведениями. Впрочем, лишь в зоне работ Ж. Рябчикова оглавление книг 1550/51 г. было получено путем расшивки оглавления самой книги Ж. Рябчикова. Для зоны Г. Морозова порядок глав совершенно другой. Эта особенность рассматривается в связи с вопросом об организации

полевой работы писцовых комиссий в Главе 4.

Исследование структуры книг 1540-х годов и ее связи с ПКДП послужило основой для классификации книг 1540-х годов всех новгородских пятин (а также торопецкой и тверской) в заключительном разделе 3.5 главы 3. Классификация учитывает состав данных писцовой книги и характер переработки в ней данных приправочных материалов (соответствующих книг рубежа XV–XVI вв.). Книга Деревской пятины письма Г. Морозова предстает как писцовая книга на «ранней» стадии проработки материала, которая в точности следует структуре «старой книги», а основное внимание редактора уделено сравнению результатов полевого описания с данными «старого письма», то есть «перечень». Предположительно «перечнем» являлся и протограф списка книги Торопецкого уезда письма А. Ульянина. Остальные книги отнесены ко второй редакции, то есть к «подлинникам» в терминологии XVI в. В них основа, заданная «старыми книгами», была основательно переработана, формуляр книги подвергся определенной унификации, составители целенаправленно избавлялись от информации, не имевшей практического применения при пользовании писцовой книгой. При создании этих книг были использованы не только полевые материалы и «старые» книги, но и сведения о состоявшемся после «письма» движении собственности.

Глава 4 «Источники сведений писцовой книги и пути их интеграции в текст» посвящена углубленному изучению методов работы составителя писцовой книги и лиц, проводивших само поземельное описание «в поле». В Разделе 4.1 рассматривается проблема «старого письма» новгородских книг рубежа XV–XVI вв. Долгие споры идут вокруг характера сведений, на которые систематически ссылаются книги рубежа XV–XVI вв. как на «старое письмо», сравнивая его статистику с современными им данными. Многие исследователи сведения «старых книг» рассматривают дифференцированно, учитывая возможность одновременного происхождения различных блоков информации. В диссертации с этой точки зрения проанализированы данные о доходе, которыми снабжены как описания селений, так и статистика итогов в ПКДП – по всем категориям владений.

Сведения о доходах при селениях копировались составителем ПКДП почти всегда из «старых книг». В оброчных, некоторых монастырских (тех, которые были даны монастырям в обмен на их старые вотчины) и своеземческих землях все эти сведения отражались в итогах по «старому письму», в поместных первый доход учитывался в итогах «старого письма», а второй – в итогах «нового письма», а в монастырских землях, не менявших владельца, доход селений учитывался в итогах «нового письма».

С вотчинных земель доход в ПКДП практически никогда не указы-

вался, а появление сведений о доходе для церковных земель, конфискованных в 1499 г., более поздние делопроизводственные документы связывают с письмом С. Дятлова. Это подтверждает правоту А.М. Андрияшева и В.А. Егорова, которые связывали появление данных о доходе не с поземельным описанием, а с конфискацией у новгородского вотчинника. Впервые доход с недавно конфискованных владений выяснялся специальной комиссией, а не составлял изначально неотъемлемую часть материалов «старого письма». Как правило, писцовая книга содержит данные и о втором доходе, возникающем позже первого (для оброчных земель это данные об оброке). Пооброчку владений (или проверку и подтверждение действительности прежних норм – в случае равенства первого и второго доходов) осуществлял новгородский дьяк – спустя некоторое время после конфискации земель у старого владельца.

Разнообразие формулировок, описывающих доход в итогах по владениям, отражает варианты соотношения для различных поместий и вотчин моментов проведения «старого письма» и «нового письма» – с одной стороны, и конфискации у «старых владельцев» – с другой. Это хорошо видно на примере некоторых земельных массивов, о судьбе которых можно судить и по другим данным.

Состав данных о доходе позволяет определенным образом охарактеризовать и «старые книги». Они представляли собой собрание документов и записей различного происхождения, которое постоянно дополнялось новой информацией вплоть до проведения «нового письма». Даже сведения о доходах, взимавшихся в начале 1490-х годов, могли быть отражены в «старых книгах». Естественно, это наблюдение позволяет уточнять датировку только «старых книг» и никак не влияет на датировку собственно «старого письма» – описания, предшествовавшего «новому письму».

Сведения «старых книг», с которыми сравниваются данные «нового письма», таким образом, подразделяются, как минимум, на два пласта: 1) «старое письмо» – некое описание, отражающее тяглоспособность крестьянских хозяйств до «нового письма», и 2) сведения о доходе, включенные в «старые книги», но полученные уже после «старого письма» – вслед за конфискацией земли у новгородских вотчинников. Одной из задач составителя рукописи была непротиворечивая увязка сведений разного происхождения. Так, описание селений по «новому письму» ему приходилось снабжать данными о доходе, которые иногда больше соответствовали ситуации «старого письма» или промежуточной. Таким образом, сопоставление сведений о доходе с данными о тяглоспособности по «новому письму», происходящих из разных «слоев» писцовой книги, не вполне корректно. Однако оно по-

могает обнаружить изменения в тяглоспособности конкретного селения, произошедшие между «старым письмом» и «новым письмом».

На основе достигнутого понимания структуры и состава данных писцовых книг рубежа XV–XVI вв. в завершение раздела 4.1 диссертации выясняется характер различий новгородских книг от писцовых описаний других частей Русского государства и их возможная причина.

В январе 1478 г. в ходе переговоров великого князя Ивана III с новгородцами были установлены основы налогообложения новгородских земель. В обстоятельствах, изложенных летописцем, реальной гарантией того, что новгородцы не утаивали в массовом порядке свои земли от обложения, могло стать только одно: их собственный сеньориальный доход находился в жесткой зависимости от тех же окладных единиц – обож. Поэтому в основу обожного налогообложения по существу легли сведения частновладельческого вытного письма. При этом оклад рассчитывался «по людям», а не по земле. Когда правительство в масштабе всей страны стало переходить к поземельной раскладке податей, в Новгородской земле вместо измерения площади пашни для этого потребовалось мобилизовать сведения о посевах и сенокосе в каждой деревне – безотносительно к освоенным площадям. Каким именно образом положение земли в обжи учитывало обеспеченность хозяйства сельскохозяйственными угодьями, не вполне ясно до сих пор. Но существенная разница между обжой «старого письма» и обжой «нового письма» рубежа XV–XVI вв. отмечалась в историографии. Новую новгородскую обжу «пощупать» было труднее, чем пашню, измеренную в четвертях. Поэтому, для более надежного контроля со стороны правительства, переход от старых принципов обложения к новым был снабжен подробным статистическим отчетом о расхождениях между «старым» и «новым» письмом.

Раздел 4.2 посвящен исследованию методов работы писцов «в поле» и проблеме реконструкции писцовых полевых записей. Выявление методов работы писцов должно базироваться на анализе материалов, отражающих первоначальный состав и порядок сведений, содержащихся в их полевых записях. Естественно, что именно полевой дневник лег в основу рукописи, но наличие этапа ее компоновки серьезно осложняет работу по реконструкции состава и порядка полевых записей. На этом этапе сведения дневника могли быть заменены на более современные (например, преамбула – при смене владельца) или вообще быть дополнены информацией, которая отсутствовала в дневнике (вставка, характеризующая новейшие перемены в землевладении, подсчет итогов). Несомненно, однако, что из дневника были заимствованы названия селений и их хозяйственные параметры: в подавляющем большинстве локализованных случаев селения одного владения, описанные подряд, являются ближайшими соседями в пространственном

отношении, выстраиваясь в «цепочки». Переход описания от одного селения к другому при этом учитывает наличие на пути водных преград, болот и других элементов ландшафта, влияющих на выбор полевого маршрута.

Делая выписки из дневника, составитель создавал так называемые «текстовые блоки», объединяющие всю информацию о землях того или иного владельца, имеющих общую историю (т. е. конфискованную у одного «старого владельца»). «Текстовые блоки» сгруппированы в главы. Каждая глава объединяет земли, тянущие податями к одному погосту–месту – даже в том случае, если они относятся к другому погосту–округу. Внутри каждой главы «текстовые блоки» расположены по категориям владения. Первым в «текстовом блоке» составитель помещал село или сельцо и деревни, населенные «людьми» землевладельца. После них – деревни с крестьянами, в самом конце – пустые и «вопчие» деревни, починки, пустоши и селища. При такой «перетасовке» изначальный порядок сведений дневника мог сохраниться только для отдельных фрагментов, в «измельчении» или «нарезке» которых у составителя черновика не было необходимости. Серия «цепочек», из которых состоял дневник, в ходе перекомпоновки его материалов по перечисленным выше принципам была расчленена на множество отдельных «звеньев».

Анализ особенностей реконструированных «цепочек», в которых описывались селения «в поле» (на материале нескольких погостов, где достаточно точно локализовано большинство топонимов), позволил заключить, что описание пятины состояло в последовательном описании писцовых округов–погостов. В пределах округа намечались маршруты, которые начинались в центре погоста, соответствующие, как можно предполагать, дневному переезду. Последний маршрут планировался таким образом, что выводил к пределам следующего погоста, прежде не описанного. Еще не добравшись до центра нового погоста, писцы начинали описание его земель по дороге.

Подобные «звенья» образуют и погосты–места, будучи расположенными на карте Деревской пятины в порядке их описания в ПКДП. Результаты изучения кодикологии рукописи и знание принципов работы составителя черновика позволили сходным образом реконструировать порядок расположения описных округов в дневнике писцов.

Опыт углубленного анализа структуры текста рукописи в историко–географическом контексте – на материалах Деревской пятины, позволил в Разделе 4.3 для всех новгородских пятин рассмотреть вопрос о том, в каком соотношении на организацию полевых писцовых работ оказывали влияние два основных фактора: структура «старых книг» и географические особенности той территории, которая описывалась. Алгоритм исследования: определение географии работ писцовых ко-

миссий; выяснение того, не восходит ли порядок описания погостов в их книгах к «старым книгам» (и, соответственно, в каких пределах географический фактор влиять на него не мог); поиск в установленных пределах связи организации работ с пространственной структурой, то есть ответ на вопрос, как особенности ландшафта влияли на установление границ работы писцовых комиссий и на порядок расположения материала в их книгах.

При разграничении зон работы писцовых комиссий в конце 1530–х годов в Новгородском уезде основными маркерами служили большие дороги (Ивангородская, Псковская, Московская). Территории остальных уездов могли быть отнесены к зоне писца целиком (Водская пятина), но могли быть и разделены также по большой дороге (Шелонская пятина). Районы письма 1550/51 г. либо совпадали по территории с зонами (Шелонская пятина, Белозерская половина Бежецкой пятины), либо определялись путем деления территории зон (Водская, Деревская пятины, Тверская половина Бежецкой пятины) на части. В этом случае территориальный состав районов определялся по пространственной связи с той или иной большой дорогой (четыре района Деревской пятины) или, предположительно, по границам уездов (четыре района Водской пятины).

Примечательно, что в Шелонской и Деревской пятинах зоны писцов 1530–х годов лишь в деталях отличаются от территорий, включенных в маршруты письма конца XV в. Возможно, что практика деления пятины между двумя комиссиями восходит уже к этому времени, хотя и не фиксируется в виде оформления особых книг.

Порядок глав в «новой книге» получался в основном путем «расшивки» оглавления «старой книги», использованной для «приправки»⁴², то есть извлечением из нее глав, относящихся к соответствующей зоне или району, без изменения их очередности (книги Морозова, Рябчикова, Благово в Деревской пятине, книги Клушина и Валуева в Водской пятине, книги Жеребцова и Белеутова в Шелонской пятине, книги Нелединского и Чиркина в Бежецкой пятине).

Иногда метод «расшивки» не применялся. Причиной могла быть расчлененность по главам или небольшим группам глав приправочного списка, использованного составителем «новой книги»: имеющие отличный от «старых книг» порядок шелонские книги Собакина и Свербеева, деревские книги Ансимова и Калитина, бежецкие книги Морозова и Вельяминова имели и общую на двоих «старую книгу». Порядок изложения деревских и бежецких книг отражает некую пространственно определенную последовательность, вероятно – действи-

---

⁴² Приправочной книгой назывался текст ранее проведенного описания, с которым писцы сравнивали наблюдаемое состояние хозяйственных объектов.

тельный порядок описания погостов «в поле».

В Заключении подведены итоги исследования и оценены перспективы дальнейшего изучения новгородских писцовых книг. В нем отмечается, что диссертация представляет основные возможности, которые открываются исследователю при взгляде на рукопись писцовой книги как на исторический источник, сохранивший информацию, имеющую различное происхождение и прошедшую несколько этапов обработки. Таких этапов как минимум три: работа «в поле»; перекомпоновка полевых записей в черновик; составление белой рукописи. На каждом из них логика организации материала была своя: сначала «пространственная», затем «фискальная» и, наконец, «канцелярская». Писцовая книга – результат всей этой работы, и структура материала начальных этапов сохраняется в ней лишь в той степени, в какой ее не разрушают этапы последующие.

Для изучения каждого из этих (и других, промежуточных, которые тоже возможно выделить) этапов, помимо данных самой рукописи, требуется привлечение и дополнительных источников, и специфических методов. Так, исследование работы над беловым экземпляром рукописи требует, в первую очередь, обращения к кодикологии и палеографии, которые позволяют делать выводы о составе источника (писцовая книга или конволют), подлинности или копииности, степени сохранности и взаимном расположении листов, количестве лиц, участвовавших в создании рукописи и порядке их работы, наличии замененных листов, вставок в текст и его дополнений, времени, месте и обстоятельствах создания рукописи, ее последующей истории. Кроме того, для выяснения обстоятельств создания и последующей жизни писцовой книги чрезвычайно полезным может оказаться понимание истории той архивной коллекции, в состав которой книга входит.

Этап создания черновика может быть изучен путем выяснения той связи, которая существует между порядком расположения материала в писцовой книге, с одной стороны, и административно-территориальным делением и землевладельческой структурой региона, с другой. Для этого необходим анализ текста источника, используемых составителем формулировок. Трудно представить себе такое исследование без привлечения географической информации, в скрытом и явном виде присутствующей на каждой странице писцовой книги, и отображения ее на географической карте. Следует иметь в виду, что, как правило, черновик писцовой книги интегрировал сведения нескольких источников – как «полевого дневника» писца, так и данных, полученных в ходе специальных полевых обследований, а также взятых из дополнительно привлеченных официальных документов, как текущего делопроизводства, так и архивного происхождения. И первостепенный интерес здесь представляют книги, использованные составителем черно-

вика для справки (известные в историографии как «приправочные», а в самом источнике именуемые «старыми»). Именно их структура часто предопределяла организацию материала в черновике новой книги.

Есть надежда восстановить, правда, фрагментарно, содержание и первого, полевого этапа писцовых работ. Основным методом является сопоставление порядка описания объектов в писцовой книге с их взаимным пространственным расположением и особенностями ландшафта. Этот подход требует картографирования упомянутых в источнике объектов и, следовательно, знания об их географическом положении. Для попытки реконструкции полевого этапа работы писцов непременным условием является достаточно полная и точная локализация объектов, описанных в писцовой книге. Чем менее полно и точно это сделано, тем больше вероятность, что реконструкция порядка описания объектов на местности не соответствует действительности.

Благодаря применению вышеизложенных подходов к изучению новгородских книг конца XV–XVI в. удалось взглянуть на эти документы во многом по-новому. Вопрос о первых описаниях московским правительством земель только что присоединенного Новгорода в диссертации не рассматривался специально. Однако исследование древнейшей из сохранившихся русских писцовых книг – Деревской пятины письма 1495/96–1496/97 годов (ПКДП) – дает основания полагать, что при ее составлении использовались «старые книги», в основе которых лежали материалы «первого письма». Эти материалы содержали данные о тяглоспособности крестьянских хозяйств до «нового письма». Однако сверх того «старые книги» содержали и другие данные – сведения о доходе, полученные уже после «старого письма» – в связи с конфискацией земли у новгородских вотчинников. Таким образом, и древнейшие, неизвестные нам, писцовые книги хранили данные из нескольких источников.

Из «старых книг» составитель черновика ПКДП заимствовал сведения о доходе, в то время как актуальные данные о тяглоспособности крестьянских хозяйств заимствовались им из «полевого дневника» писцов. «Полевой дневник» содержал описание объектов в том порядке, в каком осуществлялся их объезд на местности. В ряде погостов, селения которых локализованы достаточно полно и точно, удастся реконструировать маршруты движения, учитывающие особенности ландшафта, и даже оценить приблизительную их протяженность. Удастся реконструировать и порядок, в котором писцы объезжали погосты – не только Деревской, но и других новгородских пятин. При разграничении зон работы писцовых комиссий в конце 1530-х годов в Новгородском уезде основными маркерами служили большие дороги (Ивангородская, Псковская, Московская), а в 1550/51 г. по дорогам группировались округа, входившие в район работ одной комиссии.

Одной из задач составителя писцовой книги была непротиворечивая увязка сведений разного происхождения. В ходе этой работы учитывались и изменения в землевладении, произошедшие после возвращения писцов из «поля». Изменения были связаны чаще всего с переходом земли от одного помещика к другому, отписанием поместья на великого князя, переходом оброчных земель в поместные. Но кроме того, большинство писцовых комиссий, после которых остались книги рубежа XV–XVI вв., закончили полевую работу еще до января 1499 г., когда произошла масштабная конфискация земель у новгородского владыки и монастырей. Сведения о доходе с этих земель собирались по прошествии некоторого времени. В ПКДП они еще не размещены, а в книгах Водской и Шелонской пятин эти данные уже есть, что определенным образом характеризует и моменты завершения работы над этими рукописями.

При создании черновика весь комплекс материалов подвергся перекомпоновке для большего удобства использования писцовой книги для административных нужд. При этом главы в ПКДП были сгруппированы по присудам, а порядок глав внутри них находит объяснение в последовательности описания пятины писцами, в то время как последующие книги (1540-х и 1550/51 годов) в Деревской и других пятинах обычно просто воспроизводят перечень глав из соответствующей «старой книги». Это связано, скорее всего, с разъятием общего для нескольких писцовых комиссий приправочного списка. В случаях, когда «расшивка» не практиковалась, порядок глав «новой книги», вероятно, также воспроизводил действительный порядок описания погостов «в поле».

Некоторые различия в административном устройстве Деревской и Бежецкой пятин, с одной стороны, и Водской и Шелонской – с другой, обусловили разные принципы группировки описаний внутри каждой главы: по владениям и по погостам–округам соответственно. Первый из этих принципов следует считать восходящим к новгородским порядкам, а второй – нововведением, связанным с возникновением новой территориальной единицы – погоста и преобразованием присудов в уезды. Эти особенности отразились на группировке материала и в более поздних писцовых книгах.

Рассмотрение последовательности, в которой описаны внутри одной главы в ПКДП земельные владения одной категории, позволяет заключить, что порядок описания оброчных земель исходит из хронологии конфискаций, хотя этот принцип не соблюдался неукоснительно. Предпочтительным кажется хронологический порядок – по времени раздачи – и для поместных земель. Однако для более уверенных выводов необходимо рассмотрение под тем же углом зрения и описаний других пятин рубежа XV–XVI вв.

Довольно сложная работа по совмещению данных из разных источников и структурированию текста не могла быть выполнена сразу «набело». Черновик переписывался подъячими, после чего в полученный экземпляр могли вноситься не только исправления, но и дополнения на предварительно оставленное свободным место, листы в тетради могли заменяться. Это очень важное обстоятельство, которое иногда может сыграть решающую роль для датировки сведений или объяснения их появления в рукописи. Но кроме того, внимательное изучение эволюции почерков открывает путь для установления последовательности, в которой шла работа над отдельными частями книги.

К сожалению, все писцовые книги древнее 1550 г. не имеют такого важного элемента, как полистная скрепа, что не позволяет однозначно определять их как подлинник или список по формальному признаку, а кроме того, затрудняет определение места создания. Не существовало четкого понимания подлинности или копийности этих книг уже во второй половине XVI в. у тех, кто использовал их в столбцовом делопроизводстве. Более того, на практике роль подлинников могли выполнять сразу две редакции писцовой книги, существование которых обнаруживается при сличении выписей, делавшихся из книг в столбцах Новгородской приказной избы, с наличными экземплярами. Выявлены факты, свидетельствующие, что не сохранившаяся ныне редакция книг 1540-х годов использовалась книгами 1550/51 г. и «Росписью погостов» – справочником для расчета стоимости проезда из Новгорода во все погосты новгородских пятин и Холмского уезда. Использование «подлинника» и «перечня» прослеживается не только для новгородских книг XVI в., но и на материалах других уездов за весь период существования писцового дела.

Основные отличительные признаки второй редакции книги, «подлинника», состоят в более глубокой переработке полевого материала, дополнении его сведениями из других источников. При атрибуции конкретной рукописи важно представлять не только набор данных, отраженных в ней, но и то, какие изменения в их составе наблюдаются относительно «старых книг», использованных в этой рукописи дляправки. Из книг 1540-х годов, подвергнутых такому анализу, почти все относятся ко второй редакции. К первой из новгородских книг относится только книга Г. Морозова по Деревской пятине. Второй пример «перечневой» книги представлен торопецкой писцовой книгой 1540 г.

Путь, проделанный новгородскими книгами от места изготовления до места нынешнего хранения, был иногда довольно сложным. Для большинства известных науке книг его удастся проследить. Многие из них новгородского происхождения, хотя некоторые подлинники были присланы из Москвы в Новгород, а некоторые представлены московскими списками, остававшимися в Москве или же пересылавшимися в

Новгород. В Москве была изготовлена древнейшая из сохранившихся русских писцовых книг – ПКДП, отсюда поступила и книга дворцовых земель Бежецкой пятины рубежа XV–XVI вв., в Москве же была завершена в первой половине 1540-х годов книга Бежецкой пятины И.Д. Вельяминова. Передача части новгородских земель в опричнину и позднее ко двору «князя Ивана Московского» влекла за собой и перемену учреждения, ведавшего этими землями, а возврат земель обратно Новгороду (при царе Федоре Ивановиче) – и передачу ему документации, накопленной за 1570 – начало 1580-х годов в Москве и Пскове.

Чаще имело место обратное перемещение – в разное время и при разных обстоятельствах документы Новгородской съезжей избы путешествовали в Москву. Одна из «волн» таких перемещений была обусловлена царским указом о присылке в Новгородскую четверть древнейших книг (до 7090 г.). Все эти документы отложились в ф. 137 РГАДА. Другая «волна» связана с восстановлением архива Поместного приказа, сгоревшего в мае 1626 г. По разным случаям пересылались новгородские книги в Поместный приказ и позднее, оказавшись в настоящее время в коллекции описи 1 ф. 1209 РГАДА. Лишь небольшое количество книг этой описи связано с делопроизводством самого Поместного приказа. При переезде Поместного приказа в Санкт-Петербург часть новгородских книг, на тот момент принадлежавшая его архиву, была оставлена в Москве.

Все это время основной корпус новгородской писцовой документации оставался в Новгороде. Древнейшая часть архива новгородских поместно-вотчинных учреждений подверглась здесь сложным испытаниям. «Пробел» в их документах образовался в результате вывоза в Швецию документации периода функционирования администрации И.Н. Одоевского – Я. Деллагарди. Более ранние дела, как утратившие актуальность, были складированы в церкви Происхождения Честного Креста, которая в 1645/46 г. обрушилась и погребла под собой архив. Часть книг удалось извлечь из завалов без больших потерь, но многие оказались в виде россыпи, которая в 1699 г. хранилась в Поместном столе особо, вместе с другими дефектными делами. Следствием разборки новгородского архива книг после обрушения церкви стало появление значительного числа конволютов, объединивших фрагменты нескольких рукописей. Без кодикологического исследования далеко не всегда можно отличить писцовую книгу от конволюта. Вся коллекция поместно-вотчинных дел Новгородской съезжей избы оказалась в Санкт-Петербургской вотчинной конторе только в 1738 г., откуда через Архив старых дел и МАМЮ попала в ф. 1209 РГАДА (опись 3). Но часть этих книг, наилучшей сохранности, получила новые шифры (900-е), оказавшись среди материалов описи 1 того же фонда.

Представленная в диссертации общая история новгородских пис-

цовых книг обозначает новые горизонты их источниковедческого изучения. Безусловно, фундаментом дальнейшей работы должно стать исследование кодикологии и палеографии рукописей, которое сулит множество открытий и, возможно, переоценок в области атрибуции книг. Дальнейшее выяснение архивной и делопроизводственной судьбы книг возможно, кроме того, и путем привлечения дополнительных свидетельств, документировавших перемещение рукописей из одного учреждения в другое, сравнения почерков, которыми написаны рукописи одного времени, в комплексе с сопоставлением филиграней использованной для этого бумаги. Для многих рукописей важным моментом может стать выявление замененных листов. Весьма перспективным кажется сравнение выписей из книг, сделанных в рамках столбцового делопроизводства, с сохранившимися экземплярами – по примеру работы, проделанной для Деревской пятины. При изучении каждой писцовой книги следует ставить вопрос о том, к какой из двух редакций, игравших роль подлинника, она относится. Анализ географического расположения объектов (а оно известно для многих частей Шелонской, Водской, Деревской и Обонежской пятин) способен дать дополнительные данные о работе писцовой комиссии. Картографирование особенностей, присущих описанию той или иной части текста писцовой книги, позволяет глубже проникнуть в механизмы компоновки и группировки материала в черновике рукописи. Вычленение в тексте и изучение ретроспективных данных, взятых составителем черновика из «старых книг» или дополнительной документации, обогащает наши представления о том корпусе документов, который стоит за до сих пор не вполне понятным определением «старые книги», которое повсеместно встречается в книгах рубежа XV–XVI вв. В общем, перспективы изучения новгородских писцовых книг остаются по-прежнему захватывающими и многообещающими, а предлагаемый комплекс методов представляется достаточно эффективным в решении многих исследовательских задач.

Основные положения диссертационного исследования представлены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в список рецензируемых журналов ВАК РФ, WoS, Scopus

1). *Фролов А.А.* Изменения в численности и составе погостов и волостей Деревской пятины во второй половине XV века // Вестник Московского университета. 2002. № 1. С. 61–75.

2). *Фролов А.А.* Некоторые вопросы источниковедения писцовых книги Деревской пятины письма 1495–1496 годов // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2004. №3(17). С. 55–69.

3). *Фролов А.А.* Конфискации вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV века // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2004. №4 (18). С. 54–62.

4). *Фролов А.А.* Структура писцовых книг Деревской пятины 1540-х гг. по данным комплекса источников конца XV– середины XVI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. №4. С. 69–79.

5). *Фролов А.А.* Новый взгляд на территориально-административную систему земель Господина Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). СПб., 2008. С. 151–165.

6). *Фролов А.А.* Территориально–административная система сельских территорий Новгородской земли в X–XVII веках // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2009. №12. Вып. 1. С. 79–89.

7). *Frolov Aleksei A.* Census Books as a source for historical geography // Cahiers du Monde Russe, 50/2–3, Avril-septembre 2009. Pp. 315–326. (Scopus).

8). *Фролов А.А.* Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой // Вестник Тверского государственного университета. 2013. № 22. Серия: История. Вып. 3. С. 55–86.

9). *Фролов А.А.* Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой (Окончание) // Вестник Тверского государственного университета. 2013. №35. Серия: История. Вып. 4. С. 77–89.

10) *Фролов А.А.* Историография исследовательских подходов в источниковедении средневековых государственных поземельных описаний стран Европы. Часть 1. Писцовые книги Московского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Выпуск 8 (31) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000934-6-1> (дата обращения: 20.01.2015).

11). *Фролов А.А.* Дачные и отдельные книги Деревской пятины и Холмского уезда 1581/82–1585/86 гг. и проблема «новгородских приписей» ко Ржеве Володимеровой // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Выпуск 6 (39) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001184-1-1> (дата обращения: 26.08.2015). DOI: 10.18254/S0001184-1-1.

12). *Фролов А.А.* Две писцовые книги Порхова и Порховского уезда 1576 г. письма и дозора В.М. Безобразова: кодикологическое исследование // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 148–164.

13). *Фролов А.А.* Историография исследовательских подходов в источниковедении средневековых государственных поземельных описаний стран Европы. Часть 2. Историография английской «Книги Страшного суда» 1086 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 5 (59) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001877-3-1> (дата обращения: 11.11.2017). DOI: 10.18254/S0001877-3-1

14). *Фролов А.А.* Документы XVI в. Поместного стола Новгородской приказной избы по описи 1699 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 5 (59) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001878-4-1-ru> (дата обращения: 11.11.2017). DOI: 10.18254/S0001878-4-1.

15). *Фролов А.А.* «Новый» хозяйственный документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря: датировка и атрибуция // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. No 4. С. 1093–1106. DOI 10.15826/qr.2017.4.269. (WoS и Scopus).

16). *Фролов А.А.* Происхождение коллекции древнейших новгородских писцовых книг в РГАДА // Отечественные архивы. 2017. №6. С. 16–24.

17) *Бенцианов М.М., Фролов А.А.* Платежная книга Деревской пятины 1543 г. К вопросу о функционировании системы сбора «государевых» податей в Новгородской земле в XVI столетии // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2018, №1(71). С. 19–35.

Другие публикации

Монографии

18). *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Тт. 1–3. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2008.

19). Приходная книга Новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи Софийской пошлины») / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 284 с., ил., цв. вкл.

20). *Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2017. 648 с., ил., цв. вкл.

Статьи

21) *Фролов А.А.* Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородом Великим и Северо-Восточной Русью) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. Новгород, 1998. С. 80–82.

22) *Фролов А.А.* К истории формирования средневековой административной структуры на севере Деревской пятины Новгородской земли // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2003. Вып. 3. С. 3–12.

23) *Пиотух Н.В., Фролов А.А.* Населенные пункты Деревской пятины конца XV века // Вестник РГНФ. 2003, №4 (33). С. 30–40.

24) *Фролов А.А.* Деревская пятина. Предисловие // Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 2: Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. С. 190–199.

25) *Фролов А.А.* Деревская пятина Новгородской земли в конце XV–XVII вв.: территориальный состав и история писцовых описаний // Новоторжский сборник (история, археология, историческая география). Вып. 1. / Труды ВИЭМ. Торжок, 2004. С. 150–159.

26) *Фролов А.А.* Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI – начале XVIII века // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 106–120.

27) *Фролов А.А.* Забытое описание Новгородской земли начала XVI века // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 51–57.

28) *Фролов А.А.* Методы работы писцов в Деревской пятине Новгородской земли во время письма 1495–1496 годов и проблема реконструкции писцовых полевых записей // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 299–318.

29) *Фролов А.А.* Организация материала в древнейшей русской писцовой книге // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». М., 2008. С. 328–335.

30) *Фролов А.А., Мошкова Л.В.* Комплексное исследование древнейшей русской писцовой книги // Вестник РГНФ. 2009, №1 (54). С. 20–28.

31) *Фролов А.А.* Географическая информация «Росписи погостов» как инструмент для ее источниковедческой характеристики // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 97–104.

32) *Фролов А.А.* К вопросу об источниках «Выписи из новгородских изгонных книг» и их датировке // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время. Сб. ст. памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 185–198.

33) *Фролов А.А.* Источники ретроспективной информации писцовой книги новгородской Деревской пятины конца XV в. (сведения о

доходах) // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб, 2010. С. 227–262.

34) *Фролов А.А.* Историко-географические аспекты писцовых полевых работ рубежа XV–XVI вв. // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 446–449.

35) *Фролов А.А.* Названия Новгородских пятин и пятинное деление в свете некоторых источников по истории церкви // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции Москва, 17–19 ноября 2011 г. М., 2011. С. 34–39.

36) *Фролов А.А.* Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. М., 2012. Том 1. С. 110–154.

37) *Фролов А.А.* Некоторые итоги и перспективы историко-географического изучения средневековых волостей Буйцы и Лопастicy // Историческая география. Том 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. С. 54–104.

38) *Фролов А.А.* «Географический фактор» в организации государственных поземельных описаний конца XV – середины XVI в. // Книга картины Земли: Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. М., 2014. С. 257–284.

39) *Фролов А.А.* Что такое «подлинник» писцовой книги? Заметки по источниковедению документов XVI века // Вестник «Альянс–Архео». Вып. 11. М; СПб., 2015. С. 3–31.

40) *Фролов А.А.* Подклепка к грамоте 221 (АСЭИ. Т. 1): «новый» хозяйственный документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016, С. 508–510.

41) *Фролов А.А.* Первые писцовые описания на Руси и земельная политика великого князя Ивана III // Великое стояние на Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 350–359.

42) *Фролов А.А.* Писцовые книги по Новгородской земле: коллекция Поместного приказа, ф. 1209 РГАДА, опись 3 // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: Материалы к международной научной конференции. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 161–165.

43) *Фролов А.А.* Судьба новгородских писцовых книг Поместного приказа в XVIII веке // Материалы международной научной конференции «Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов», Москва, 27–28 февраля 2018 г. С. 243–250.